

МРНТИ 17.71.07

<https://doi.org/10.26577/EJPh.2021.v182.i2.ph14>**К. Жанабаев^{ID}, Н.Ж. Шаймерденова^{ID}, Н.Д. Тлеубаева*^{ID}**Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
*e-mail: Naz_96_14@mail.ru

Ч.Ч. ВАЛИХАНОВ И ЭПОС ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Статья посвящена вопросам тюркского эпосоведения. В ней раскрыта ключевая роль Ч.Ч. Валиханова-эпосоведа. Его ценные наблюдения устной традиции казахов, кыргызов и племен Южной Сибири и сейчас отвечают на актуальные вопросы мирового эпосоведения. Основная цель статьи – раскрыть методологическое значение работ ученого. Ценность его подходов заключается в том, что он предвосхитил многие пути устной теории, поскольку изучал слово «изнутри самой традиции» и как носитель тюркских языков, и как востоковед, вооруженный методами наук своего времени. Он ясно осознавал уникальное богатство многовекового Степного знания – эпоса тюрков Северного Кавказа, Центральной Азии, Южной Сибири. Тюркская традиция впервые предстала в его трудах во всем ее жанрово-видовом богатстве, выступая предметом и объектом его исследований и отвечая ключевым пунктам устной теории М. Пэрри и А. Лорда: природа создателя и исполнителя, передача устного сказания, вопрос авторства, народности и т.д. Ведущая школа современной фольклористики – устная теория М. Пэрри и А.Б. Лорда – и продуктивные идеи Ч.Ч. Валиханова определяют новый путь изучения эпоса тюркских народов, возврату ее к своим начальным основаниям: архаическому мифу, обряду и ритуалу. Взгляд ученого на устную традицию «изнутри» самой традиции и его историко-этнографический подход в трактовке эпоса тюркских народов имеют актуальное значение.

Ключевые слова: жыр, акыны, устная теория, традиция, формула, эпосоведение, жанр, формульная грамматика и стилистика.

K. Zhanabayev, N.Zh. Shaymerdenova, N.D. Tleubayeva*

Al Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: Naz_96_14@mail.ru

Valikhanov and the epos of turkish peoples

The article is devoted to Turkic epic studies. It reveals the key role of Ch. Ch. Valikhanov – an epic scholar. His valuable observations of oral traditions of the Kazakhs, Kyrgyz and tribes of Southern Siberia still cover current issues regarding world epic studies. The main purpose of the article is to reveal methodological significance of the scientist's results. The value of his approaches lies in anticipation of many ways of oral theory, since he studied the word "from within the tradition itself" both as a native Turkic languages speaker and as an Orientalist, operated with the sciences methods of the time. He was clearly aware of the unique richness of centuries-old Great Steppe knowledge – the Turks epos of the North Caucasus, Central Asia, and Southern Siberia. The Turkic tradition first appeared in his works in all its genre and species richness, serving as the subject and object of his research and comply with the key points of the oral theory of Parry M. and Lord A.: the nature of the creator and performer, the transmission of oral legend, the issue of authorship, nationality, etc. The leading school of modern folklore studies – the oral theory of Parry M. and Lord A. – and the productive ideas of Ch. Ch. Valikhanov define a new way of studying the Turks epos, brining it back to its original foundations: archaic myth, rite and ritual. The scientist's view of the oral tradition "from within" the tradition itself and his historical and ethnographic approach in the interpretation of the epos of the Turkic peoples are of current importance.

Key words: fat, akyns, oral theory, tradition, formula, epic studies, genre, formal grammar and stylistics.

Қ. Жаңабаев, Н.Ж. Шаймерденова, Н.Д. Тлеубаева*

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: Naz_96_14@mail.ru

Ш.Ш. Уәлиханов және түркі халықтарының эпосы

Мақала түркі эпостану мәселелеріне арналған. Мақалада Ш.Ш. Уәлихановтың эпостанушы ретіндегі басты рөлі ашылған. Оның қазақтар, кыргыздар және Оңтүстік Сібірдегі тайпалардың ауызша дәстүрін зерттеулерінен қазіргі әлемдік эпостанудың да өзекті мәселелеріне жауап

табуға болады. Мақаланың негізгі мақсаты – ғалым еңбектерінің әдіснамалық маңызын ашу. Оның көзқарастарының құндылығы оның ауызша теорияның көптеген жолдарын алдын ала болжауында, өйткені ол сөзді «дәстүрдің өз ішінен» қарастырған және түркі тілдерін иеленуші ретінде де, өз заманының ғылыми әдістерімен меңгерген шығыстанушы ретінде де зерттеген. Ол көпғасырлық дала білімінің бірегей байлығын – Солтүстік Кавказ, Орталық Азия, Оңтүстік Сібір түріктерінің эпосын нақты ұғынған. Түркі дәстүрі алғаш рет оның еңбектерінде зерттеу пәні мен нысаны ретінде танылып, алуан жанрлары мен түрлері толық көрсетіліп, оған қоса, М. Парри мен А. Лордтың ауызша теориясының негізгі тармақтарына жауап берді: жаратушы мен орындаушының табиғаты, ауызша аңыздың таралуы, авторлық, ұлт мәселесі және т. б. Қазіргі заманғы фольклористиканың жетекші мектебі – М. Парри мен А.Б. Лордтың ауызша теориясы мен Ш. Уәлихановтың озық ойлары түркі халықтарының эпосын зерделеудің, оның архаикалық миф, салт пен дәстүр сияқты бастапқы негіздеріне қайта оралудың жаңа жолын анықтайды. Ғалымның ауызша дәстүрді дәстүрдің өз «ішінен» қарастыруы мен түркі халықтарының эпосын түсіндірудегі тарихи-этнографиялық көзқарасының өзектілігі жоғары.

Түйін сөздер: жыр, ақын, ауызша теория, дәстүр, формула, эпостану, жанр, формулалық грамматика және стилистика.

Введение

Статья посвящена 185-летию первого казахского географа, этнографа и просветителя Ч.Ч. Валиханова. Он был замечательным тюркологом, обладал хорошим литературным вкусом, был переводчиком. Его труды в сферах разных наук имеют основополагающее значение. Одна из них – первый записанный им отрывок великого кыргызского эпоса «Манас», «Смерть Кукетай хана», переводом которого на русский язык восхищался востоковед Н.А. Веселовский.

Непосредственно из уст акына Жанака Ч.Ч. Валихановым записана и известная казахская поэма о любви – «Козы-Корпеш и Баян Слу». Это свидетельствует о высоком литературном и переводческом таланте Чокана, о его любви к тюркской эпической культуре и языку.

Ученым также всесторонне исследованы, прокомментированы эти образцы. Так, высоко профессиональные комментарии Ч.Ч. Валиханова о сказании «Ер Едиге» помогли в свое время К. Сатпаеву уйти от нападок и обвинений в воспевании им и «идеализации старины». А при издании поэмы «Козы-Корпеш и Баян Слу» в Москве (1925 г.) и в Алма-Ате (1936 г.) М.О. Ауэзов пользовался именно записью Ч. Валиханова, вариантом акына Жанака.

На всем, чего бы не касался ученый, свет его гениальности. Статьи о религии, мифологии, обычном степном праве, об истории тюркских племен, – теперь необходимо оценивать с новых позиций: меняются политические и исторические реалии. Но основная причина, по которой мировая наука редко упоминает это имя, кроется именно в том, что он все еще остается заложником собственных

оригинальных идей. Анализ последних юбилейных конференций показал, что небольшим количеством исследований о нем отличались только российские дореволюционные источники. Некоторые из них были переведены на английский язык американскими авторами. Востоковеды России конца XIX – начала XX века, отмечая его научный талант и ценный вклад в науку, ожидали «от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов...». Упоминания и в издании «Русское богатство» (за 1896 г.), и в «Колоколе» (за 1867 г.), и также в собрании литературных трудов А.К. Гейнса.

Но сегодня деятельность Ч.Ч. Валиханова как эпосоведа требует своего верного и полного научного осмысления: он в большей мере известен как этнограф-ориенталист и географ. Объяснение тому мы находим и в прежней, долго царившей идеологии, не дававшей полноценного и полноправного развития тюркским наукам, или, напротив, создававшей особые условия для неверного понимания и толкования, а зачастую даже – для искаженной оценки культурных завоеваний тюркоязычных народов. Тем более, если это касается эпоса – источника национального самосознания народа.

Вместе с тем, о научной деятельности эпосоведа Ч.Ч. Валиханова пишут казахские и кыргызские фольклористы Б.С. Асанкулова, Р. Бердибаев, З. Мамытбеков, С. Негимов, Ч. Турдалиева, Ы. С. Эралиева и т.д. Здесь следует остановиться на двух ключевых пунктах, объясняющих как популярность Ч.Ч. Валиханова именно в этой научной среде, так и слабую цитируемость его трудов в зарубежных источниках: а) популярность его трудов в тюркоязычной научной среде объясняется тем, что Чокан впервые записал устный эпос этих

народов, раскрыв их непреходящую ценность и величие; б) слабая цитируемость его трудов объясняется существовавшей невозможностью кыргызских и казахских ученых выходить за идеологические рамки, отхода их от навязанных стереотипов и установок, принижавших значимость эпического наследия тюркских народов, их истории и выдающейся роли Ч.Ч. Валиханова. Работы Ч.Ч. Валиханова об эпосе были хорошо известны советским кыргызским и казахским лингвистам, философам, культурологам, социологам и специалистам по степному праву. Но и здесь они придерживались известного правила: «как бы чего не вышло». А в период суверенитета, не разработав еще собственных научных принципов, они стали придерживаться западных ценностей, стереотипов и методологий, имевших совершенно другую традицию. Скажем так: общие закономерности развития искусств есть в любой национальной науке, но именно национальная специфика (семиотика и семантика) делает ее ценной, всемирно полезной.

Так, нами выявлены два основных аспекта, имеющих актуальность для исследования: а) поиск современной тюркской наукой собственной, национально-ориентированной методологии в оценке своих явлений; б) недооценка в мировом эпосоведении роли Ч.Ч. Валиханова, значения его трудов.

Идеи казахского ученого зиждились на прочном основании – на Степном знании, частью которого был устный многовековой эпос тюрков Северного Кавказа, Средней, Центральной Азии и Южной Сибири. Ч.Ч. Валиханов первым ясно осознал общие древнейшие истоки тюркского языка и эпоса с эпосом других, ставших впоследствии европейскими (финнов, славян и т.д.), народами. Единая в своем развитии, устная традиция тюркских племен впервые предстала в трудах ученого не только во всем ее жанрово-видовом богатстве и структурном своеобразии, но и «изнутри» самой традиции и – при блестящем использовании ученым передовых методов российского востоковедения. Метод анализа – «изнутри традиции» – имеет перспективное значение для эпосоведения, в полной мере отвечая установке М. Пэрри и А.Б. Лорда в их изучении эпоса как *живой* традиции. Все господствующие в мировой науке основные теории происхождения эпоса хорошо представлены у Е.М. Мелетинского в его «Происхождении героического эпоса». Все они подверглись критике ученого. Среди описанных

им научных школ есть и *устная теория* – американских исследователей XX века М. Пэрри и А.Б. Лорда. Но, как пишут сами авторы устной теории, их часто подвергают критике именно различные «национальные школы» фольклористики, в то время как их подход отличается универсальностью, демократичностью и независимостью суждений. Может, поэтому, возникшая еще в первой половине XX века, эта теория и сегодня обладает своей продуктивностью и методологической ценностью, хорошо сочетаясь с казахским (тюркским) национальным устным материалом.

Но нам важен и другой пункт критики Е.М. Мелетинского: ученый отмечает, что даже А. Лорд, выводящий «поэтический стиль из поэтической техники устного творчества, не сомневается в мифологическом происхождении содержания эпических формул» (Мелетинский, 1963; 12). И у нас нет сомнения, что это – верный путь. Это подтверждается анализом эпических текстов жырау XV-XVIII веков. Традиционный язык казахского героического певца, его поэтические формы полнокровно существуют лишь благодаря этим древним эпическим формулам и формульным сочетаниям – основному средству устно-стилевой техники. Эта техника восходит к начальным основаниям эпоса (архаическому мифу, обряду и ритуалу), как восходят к явлениям суггестивного порядка все назидательно-дидактические жанры, высшей поучительной формой которого выступает устный эпос.

Хотя «Сказитель» А.Б. Лорда, который давно уже стал «классическим в мировом эпосоведении» (Лорд А., <https://vk.com/wall209887955>), излагает ту часть устной теории, объясняющую певца и самый процесс исполнительства, вполне ясно, что казахский ученый первой половины XIX века ни самой этой книги, на устной теории знать не мог. К этим границам американская фольклористика вышла только в первой половине XX века. Но в силу глубокого понимания специфики степного пения Ч.Ч. Валиханов выдвинул ряд идей, важных и для устной теории. Важно то, что казахский ученый находился в самой сердцевине исполнительского процесса, знал его «изнутри»: непосредственно из уст кочевых певцов он записал лиро-эпос «Козы Корпеш и Баян Слу» и отрывок из «Манаса». Он также впервые подробно описал образцы жанров устного творчества казахов XIX века, их формы, их целевое назначение. Хорошо зная античную традицию, он ссылается и на гомеровский эпос, ка-

саясь общих вопросов устной практики певцов: вопрос авторства, исполнительства, эпосогенеза, мифо-ритуальных истоков, других актуальных аспектов гомероведения и устной теории. Так, Ч.Ч. Валиханов сравнивает «Илиаду» и «Одиссею» Гомера с кыргызским эпосом: Ч.Ч. Валиханов первый осмыслил эпос как целостное явление. Современный исследователь отмечает, что отрывок «Смерть Кукетай-хана и его поминки», отличается «большим количеством историко-этнографических, хозяйственно-бытовых и юридических сведений о киргизах» и «дает очень много сведений о географической местности, исторических условиях, похоронном ритуале доисламского периода, о древних обычаях и традициях тюркских племён».

Во всяком случае речь может идти и о связи мифа с эпической традицией. И здесь уж действительно нужно сказать о том, как сохранилось все это грандиозное культурное средоточие. А именно – благодаря устной теории, стилевой технике, тем важным механизмам сохранения и передачи древнего знания, единственной формой которого выступает эпос. Этот стык очень важен, потому что у Пэрри и Лорда как раз и стоит этот вопрос: как это все дошло? И, как замечает сам Ч.Ч. Валиханов, это особенно это справедливо в отношении культуры тюркских кочевников Средней Азии, о которых история говорит «очень мало» или «совершенно ничего». Отсюда можно сделать вывод о научном методе Ч.Ч. Валиханова в исследовании им тюркской эпической культуры.

Книга «The Singer of Tales» также не утратила конструктивных идей, и, как отметили авторы Предисловия, она чрезвычайно важна в изучении эпических традиций, «в том числе и восточных» (Лорд А., <https://vk.com/wall209887955>), Основным полезным качеством является ее универсальность, ее прикладное значение к различным аспектам эпической культуры, начиная от реконструкции древнего поэтического мировоззрения и начальных оснований и заканчивая проблемами художественного перевода и экспертизы авторства устного текста. Это исходит из признания, что основной объект наблюдений М. Пэрри и А.Б. Лорда – «техника устного исполнения эпоса» и формульный стиль, которые при реконструкции, толковании и художественном переводе выступают эталоном, мерилем, методическим средством. «Согласно этой теории, – поясняют авторы Предисловия, – важнейшие особенности стиля гомеровского эпоса, в частности его стереотипность,

объясняются специфическим механизмом импровизации народных певцов-сказителей (Лорд А., <https://vk.com/wall209887955>). Вот почему и для изучения тюркской эпической традиции эта теория так же чрезвычайно полезна, поскольку «формульный стиль был обнаружен не только в англо-саксонском, французском, испанском эпосе», а также в русских былинах и в кыргызском эпосе «Манас». Нас особенно интересует формульный стиль устных речений жырау XV-XVIII веков, их героические сказания и философско-назидательные речи, толгау.

Актуальность. Оценивая опыт предшественников: П. Палласа, Н. Рычкова, И. Георги и других, Ч.Ч. Валиханов впервые подходит к эпосу тюркоязычных народов не только как к источнику их истории и этнографии, но как к источнику устной традиции в ее исключительной ценности: «Третий род преданий составляют, так называемые, ногайские былины (джир) – пишет Ч.Ч. Валиханов. – Они существуют у кайсаков, узбеков, ногайцев и у киргиз... Ногайские предания относятся к концу XIV, к XV и XVI векам. Предания эти имеют эпический характер и поются рифмованными стихами и потому принадлежат к области народной, устной литературы». Здесь ученый впервые выдвинул принцип целостного видения тюркской эпической культуры, комплексный подход в понимании общих связей тюркских языков.

Еще шире – сегодня в науке актуальна ностратическая теория языков и культур, поиск истоков общего праязыка. Еще немецкая мифологическая школа выдвигала идею некогда существовавшего *единого мифа, единого языка и эпоса*. Выявляя тождественность мотивов казахских, кыргызских, монгольских, западноевропейских и славянских эпосов, ученый в своих идеях был близок к идее немецкой школы в духе братьев Гримм, с ее поиском общей родины языка, мифа и эпоса. Эта теория поиска получила свое частичное отражение в трудах последующих российских и казахстанских тюркологов: Г. Потанина (http://turklib.com/general_history/vostochnye_motivy_v_srednevekovom_evropeiskom_epose.html), А.Х. Маргулана и А.С. Аманжолова.

Но и сам Ч.Ч. Валиханов отмечает сходство киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян». Также он говорит о родстве финнов и тюркских народов (Валиханов, 1986; 288) «Надо сказать, что поэтические предания, вследствие

смежности кочевьев и при сходстве языка, легко переходят и заимствуются одним народом у другого, и потому нужно уметь их отличать». Ч. Валихановым прослежено заимствование известного сюжета об Идиге одними народами от других. Он впервые в казахской науке пишет и о циклопе, широко известном в восточной традиции: «академик *Кастрен* слышал в Лапландии и у корелов миф о циклопе Полифеме из Одиссеи, конечно, измененный сообразно их национальности. В киргизской степи также знают этот миф. Циклоп назван Алпом, великаном - людоедом, а роль Одиссея играет киргизский богатырь Батур-хан». Этот сюжет в казахстанской науке впервые исследовал Е. Турсунов. Исходя из подобных обстоятельств исследователь С. Кондыбай (сноска) уверенно обозначил «первоначальной родиной» культуры человечества Центральную Азию, Урало-Алтайский культурно-языковой субстрат, где его идея смыкается с теорией гипербореев европейских ученых. Методологически ценный аспект исследований Ч.Ч. Валиханова – предвстие им ностратической идеи. Казахский ученый XIX века выступает как первый компаративист. Здесь особенно заявляет о себе теоретическая и практическая значимость трудов Ч.Ч. Валиханова, основателя нового направления в тюркском эпосоведении.

Центральный пункт устной теории Пэрри-Лорда, вокруг чего и также сконцентрированы и основные вопросы тюркского (казахского) эпосоведения – эпическая песнь, или *джир*, как его пишет Ч.Ч. Валиханов. Он исполняется под кобыз в форме речетатива. Певец, исполняющий *жыр*, именуется в народе жырау, а сама песнь названа так по стихотворной форме – *жыр* (размер из 7-8 слогов). Обратив внимание на глубокую древность этой формы, ученый впервые описал структуру, раскрыл значимость *жыра* для устной традиции. Наблюдения Ч.Ч. Валиханова над поэтической формой эпоса сегодня уже отвечают вопросам генезиса, специфики словесно-музыкальной культуры, исполнительской природе сказителя, семантике и структуре в особенности: «каким образом они слагают усваивают и передают свои эпические песни», каков «процесс создания устной повествовательной поэзии?» (Лорд А., <https://vk.com/wall209887955>).

Жыр может выступать структурным кодом Степного знания. Нами показано, как эта структура древнего поэтического мышления воспроизводит архаический миф, обряд и риту-

ал, выступая источником различных жанровых форм лиро-эпического склада: мақтау, арнау, өсиет, қоштасу, жоқтау и т.д. Ученый зафиксировал и исторические изменения жанровой структуры этого жыра в XIX веке. Так, в «Формах казахской народной поэзии» он пишет, что: «джилав обыкновенно изобретается женщинами и очень часто импровизируется. Размер употребляется тот же, как и в *джире*» (6, 238).

Материал и методы

Изучение тюркской традиции поможет ученым, в большинстве своем обращенным лишь к своей национальной эпике, поскольку они еще не представляют, насколько может быть полезна для них устная теория Пэрри-Лорда в сочетании с идеями Ч.Ч. Валиханова. Нами предпринята попытка объединить достижения двух ценных методологий, в совокупности решающих многие вопросы эпосогенеза, поэтической формы, специфики национального мышления, роли формул в устной традиции, ее значения для реконструкции древнего языка, мифа и ритуала. В силу специфики многовекового и непрерывного развития эпическая культура кочевников сохранила те универсальные закономерности и признаки эпического развития, которые утратили оседлые народы в гуще истории. Поэтому метод устной теории Пэрри-Лорда в сочетании с подходом «изнутри самой традиции» Ч.Ч. Валиханова сегодня наиболее продуктивны для наук, изучающих разные аспекты эпоса в целях «осмысления и реконструкции духовного универсума кочевого общества» (11, 5). В казахском эпосоведении метод устной теории Пэрри-Лорда успешно используют Б.Ш. Абылкасимов, Ұ. Ақберді, Ж. Бектуров, Т. Есембеков, К. Жанабаев, Ш. Ибраев, С. Негимов.

Научно-теоретической базой настоящего исследования послужили работы:

а) казахстанских ученых: С.Акатаева, А.Аманжолова, М.М. Ауэзова, З.Ахметова, М. Байджиева, А. Жаксылыкова, А. Жұбанова, Қ. Жұмалиева, С. Елемановой, А. Маргулана, М. Магауина, А. Наурызбаевой, Қ. Өмірәлиева, А. Фазылжан, Қ. Хұсайына;

б) российских ученых и ученых СНГ: Гринцера П., Жирмунского В., Мелетинского Е., Мальцева Г., Милевского Т., Терновской О., Толстой С., Толстого Н., Цивьян Т.;

в) зарубежных ученых: Bailey J., Bascom W., Baumi F., Bridney D., Dundes A., Finnegan S., Foley J., Clifton A., Kongas E., Kunst T., Levin-

ton G., Lord A., Леви-Стросс, Кл., Malinovski B., Maranda P., Taylor A., Thompson S., Honko L., Vansina J.

Историко-генетический метод Ч.Ч. Валиханова охватывает большой ряд теоретических проблем, поскольку самый тип культуры кочевников представляется целостным и синкретическим. Таким, практически неизменным и чистым в своих формах, язык эпоса и в этом большое значение формульного стиля как основного средства и условия для запоминания и функционирования устного текста в уникальной музыкально-поэтической среде.

Ч.Ч. Валиханов – первый в казахстанской науке применил и *сравнительно-сопоставительный метод* в изучении устной поэзии кочевников. Он сравнивает образ жизни степных кочевников разных регионов, указывая на причины их «поэтического и умозрительного расположения духа, касаясь и характера влияния природы на человека, и следствия этого влияния».

Большое значение для эпоса имеют и его труды *сравнительно-типологического* характера. Устная традиция изучается им не только на тюркоязычном материале, но с привлечением повествовательной традиции других восточных и европейских народов (Валиханов, 1986; 274). Многие из подобных идей казахского ученого в дальнейшем разовьет ориенталист Г. Потанин. Этот метод помогает ученому в полемике с исследователями, исходящими из наличия письменного документа, подтверждающего исторические факты устного сказания. Он соглашается, что действительно, трудно определить происхождение кочевых народов, не имеющих письменности и не отрицает, «что такой предмет, как история и происхождение кочующих народов, не представляя никаких данных, фактов, может повести только к разным темным догадкам». Но все-таки, если «поэтические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то, нет сомнения, что *положительные и последовательные* сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и *при сличении* во всем *согласные с историческими указаниями*, могут иметь значение *историческое*».

Чем нам ценен такой метод?

Роль устного сказания кочевников здесь особенно важна. Через анализ имен, фактов, событий, отраженных в эпической речи, –

психологических, этнографических и иных особенностей, – идет понимание, что традиционный устный текст, с его основным лексико-семантическим фондом, устойчивостью структур, форм и формул и с его уникальными этнографическими, психологическими подробностями составляет особый интерес устной теории.

Целостный подход Ч.Ч. Валиханова раскрывает предмет или явление, во-первых, в единстве формы и содержания, слитности, неразрывности устной традиции: слова и музыки, а иногда и пантомимы (*синкретизм*); во-вторых – в исторической *последовательности*, преемственности, в развитии и изменении в рамках устойчивой структуры: *атадан-балага*: а в-третьих – в утилитарном, общественно-полезном смысле, дидактической функции: эстетической, этической, познавательной. Целостный анализ текста выявляет потребность и в структурно-семантическом методе, когда фрагмент эпоса (или какая-либо иная его часть) выступает семантически и функционально значимой единицей целого, элементом всеобщего процесса порождения и исполнения эпического текста. Здесь исследуется и отдельный класс формально-структурных элементов (его уровни), и какой-либо один аспект устного сказания: звуковой повтор, лексические или синтаксические анафоры, реди́ф и т.п., влияющий на стиль и жанр устного высказывания.

В своей аргументации Ч.Ч. Валиханов исходит из таких признаков, как «*положительные и последовательные*» сказания киргиз.

Рассмотрим такой признак, как «последовательность».

В отличие от европейских и большинства восточных оседлых народов, кочевники сохранили многовековую непрерывную преемственность передачи информации. Это устная традиция тысячелетий, эпос – коллективная память конкретных родов и племен о событиях именно *своих* предков и именно *своих* героев, то есть *своего* рода, племени, переданная в ее *последовательности*. «Последовательность» и есть непрерывное развитие одной гиперформулы, закономерно вытекающей из реальной истории. *Своих* вождей, батыров и акынов степняки знают и воспевают исключительно как представителей своего рода, что подтверждают устные предания, шежіре. Эти эпические истории родов безошибочно знает каждый взрослый сородич и весь род (или шире – племя). По нему в эпосе безошибочно выстраивается все эпическое и генеалогическое

древо. И это свойство лишь кочевой культуры, древней и – Нового времени. Поэтому ученый пишет: «нет сомнения в том, что эпос, устная традиция, фольклор и этнография могут представлять собой живой источник исследования».

Методологический принцип ученого вышел из живой практики, из осознания уникальности и изначальности единой устной традиции Степного знания, которое в глубокой древности выступало как миф-рассказ о тотеме, покровителе рода, а в ходе исторического развития социальной жизни рода вследствие демифологизации и десакрализации, стало эпической традицией, устно передававшей важные сакральные структуры: культ предков – аруахов, почитание огня, языческие и тенгрианские обряды и т.п. Интеллектуальным содержанием этого Степного знания стал устный эпос кочевников.

В статье «Формы казахской народной поэзии» Ч.Ч. Валиханов выявляет и другой признак, имеющий значение для устной теории – «положительные сказания», характеризуя их как: а) устные эпические произведения, в форме продукта коллективного результата, «чисто народного ума, обуславливающие чувствования, жизнь и прогресс *всей массы* общества», хотя уже здесь имеется расхождение по вопросам *народности* и *авторства* с авторами устной теории; б) произведения, «вылившееся из уст всего народа как *от лица одного существа*»; в) как устные произведения, не лишённые исторического, филологического, психологического интереса, где вместо письменного документа выступает «вся масса общества» и весь народ как «одно лицо», воспевшее в нем *свою* историю, *свой* этнографический облик, *свое* великое прошлое. Язык преданий – формульный язык. Он сохранил устойчивый пласт, фонд древних знаний, выступая ценным источником изучения исторической и духовной жизни конкретного рода и племени, и для казахского ученого, это не было ни удивлением, ни даже открытием. Оно выступало как данность и было осознано «изнутри традиции» как самобытное явление кочевой культуры. Такое явление требовало и другого метода. Так, Ч.Ч. Валиханов использовал метод *прямой записи*. И Лорд писал, что «для понимания устной поэзии необходимо непосредственное и близкое знакомство с процессом ее создания и что теория сложения эпоса должна основываться не на какой-то другой теории, а на данных поэтической практики». Известно, что Ч.Ч. Валиханов записал казахскую поэму «Козы-Корпеш и Баян Слы» из уст акына Жанака в 1956 году и отрывок

из кыргызского эпоса Манас («Смерть Кукетай хана и его поминки»). Впоследствии А.Х. Маргулан выяснил имя исполнителя знаменитого манасчи – Назар Булатулы».

Важное значение для устной теории имеет и сравнительный метод, ставший ныне традиционным. Ч.Ч. Валиханов впервые применил его еще в XIX веке, а позже и востоковед Г.Н. Потанин писал о сходстве сюжетов в казахском и европейском средневековом эпосе, хотя в середине XIX века компаративистика еще зарождалась, не имела широкого развития.

Основные положения исследования и новизна:

1. Ч.Ч. Валиханов выступает основоположником тюркского эпосоведения;

2. Исходя из обзора казахстанских и зарубежных исследований раскрывается его научный талант, предвидение им многие направлений и методов в свете устной теории.

3. Своеобразие целостного подхода и анализа «изнутри традиции» в изучении им тюркской эпики как части Степного устного знания: древних форм и жанровых структур традиционного текста, основанных на преемственности, на принципе «атадан балаға», на *последовательности* и *положительности* Степного знания, значимой частью которого была устная многовековая эпическая культура тюрков Южной Сибири, Центральной Азии, Крыма и Северного Кавказа. Она сохранилась в чистой форме благодаря формульному стилю и устно-стилевой технике в процессе «воспоминания» старого и исполнения «нового» текста («принцип перетекания»).

4. Идеи Ч.Ч. Валиханова и Пэрри-Лорда имеют важное значение для эпосоведения.

Обзор литературы

Такой взгляд «изнутри самой традиции» на поэтический язык («чистый, без всяких искажений»), на историю («в какой степени наши кочевники дорожат стариной и как умеют ее сохранять»), актуализировал и цель исследования: выявить новизну, востребованность и продуктивность научных идей казахского ученого XIX века в свете современной устной теории Пэрри-Лорда. Ч.Ч. Валиханов исходит из примата устойчивых форм поэзии как уникальной ценности. Анализируя его статью «О жанровых формах казахской народной поэзии», ученый С. Негимов пишет, что «Именно историческая и теоретическая основа придают работе логическую завершенность.

Примечательно, что автор со свойственной ему методологической чуткостью впервые обратил внимание на историческую обусловленность жанрового, рифмического и содержательного оформления традиционного стихотворного наследия кочевников» (Негимов, <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornye-materialy-v-tvorchestve-ch-ch-valihanova>). Жыр, как древняя эпическая форма, как стиховая структура песни становится отправной точкой наблюдений Ч.Ч. Валиханова, что имеет ценное значение и для устной теории Пэрри-Лорда, и для уяснения законов развития тюркского эпоса.

Результаты и обсуждение

Ясно то значение, какое А. Лорд вывел о «профессии эпического сказителя на заре человеческого сознания», о вкладе сказителей с «древнейших времен в духовное развитие человечества» (Лорд А., <https://vk.com/wall209887955>). Но казахские и кыргызские певцы интересны нам не только с этой стороны. Их устные тексты, пишет Ч.Ч. Валиханов, «последовательны», обладают свойством *непрерывности*. В силу устойчивости устных форм, они,

Ақтамберді жырау, XVII в

1 3 3

Жел, жел есер, жел есер,

БҒЖ, 72, 58 б

В настоящее время формулы и выражения устной поэзии жырау XV-XVIII веков сгруппированы нами по признакам, свойствам и функциям, составляется частотный Словарь формульных выражений их языка. Значение имеют мифологическая история их происхождения, специфика их функционирования. Они связаны с племенным ритуалом и поминальным обрядом в честь усопшего героя. Важным источником выступает и факт устного порождения, исполнения и передачи текста: самый начальный, невербальный, эпос был рассказ-миф, учение о тотеме, о родстве человека с ним, а затем – с героем. Миф, невербальный эпос – основной источник канонов, магических учений, вышедших из подражательной игры (мимесиса и имитации). Верхний палеолит зафиксировал первые учения, первые знаки и технические приемы. В основе учения – различные виды повтора и кру-

в отличие от многих оседлых – европейских и восточных – народов, сохранили прямую связь со своими *начальными основаниями*: мифом, обрядом, ритуалом, и еще дальше – с невербальным способом объяснения мира и его структур, первой невербальной поэзией, если под поэзией понимать все, что было до мифа как целостной картины: суггестивную магию, мимесис, горловое, а затем и челюстное подражательное пение, вплоть до открытия в раннем шаманизме других возможностей и форм самовыражения (*аллитерации* и *ассонанса*), известных нам по древнетюркской и современной устной традиции алтайских, сибирских, тюрко-монгольских народов, сохранивших этот корпус архаических элементов.

Сказанное напрямую относится к способности певца сохранять, использовать и передавать приемы и средства устной техники так, как их сохраняли и передавали предки. Здесь используются и передаются разные виды формул и выражений, составляющих костяк формульного стиля и формульной грамматики. Эти формулы и выражения функционируют в жестких рамках стихотворного метра: вот один из примеров героического семисложника-жыра, 1+3+3:

Махамбет, XX век

1 3 3

Жел, жел есер, жел есер,

БҒЖ, 72, 181 б

жение (вокруг костра, скалы, матери-березы) как отражение всеобщего круговорота звезд и солнца, времен года. Это мы видим и в толгау, и в казахской архаической сказке.

Развитие идеи *последовательности* приводит к актуальному вопросу устной теории – к процессу исполнения: как создает певец *свой* текст, как исполняет его, как передает его другим исполнителям? (Лорд А., <https://vk.com/wall209887955>).

Мы исходим из *особенностей* среды, в которой действует исполнитель. В кочевье безраздельно царит эпос: музыкальный и словесный – коллективный продукт, но двигают его в *последовательности* лучшие из исполнителей. Словесный и музыкальный эпос знает и исполняет абсолютное большинство слушателей. Оно и есть среда – источник творчества исполнителя и создателя новой жиз-

ни эпоса. Певец – структурный элемент всей этой семиосферы, где все поют и играют, и где эпос исполняется многими, но с разной степенью таланта. Казахское кочевье времени Ч.Ч. Валиханова и была той особенной музыкально-поэтической средой, которая приближена к *абсолютной*. Она формировалась с древних времен и просуществовала до начала XX века. Знаменитый путешественник-ориенталист Г.Н. Потанин с восторгом пишет: «Вся степь поет!». В степи все поют и играют: мальчики и девочки, юноши и девушки, взрослые женщины и мужчины. Абсолютное большинство этих любителей и исполнителей, включая мальчиков и девочек, запоминая, повторяют при каждом случае целые сюжеты, с детства пробуя себя в айтысе. Старательно учатся они у жырау, акынов и биев

Есет би, 19 век

1 3 3

Мен, мен едім, *мен едім*,
Қатарға салсаң қайыспас
Қас қара нар *мен едім*...

БҒЖ, 72, 167 б.

Махамбет, 19 век

1 3 3

Мен, мен едім, *мен едім*,
Мен Нарында жүргенде
Еңіреп жүрген *ер едім*...

БҒЖ, 72, 191 б.

Все эти жыры и по внешней форме, и по своей внутренней структуре напоминают архетип, канон. В устной традиции он выступают не только наукой, но и правилом, заветом. Вот

устному мастерству. Так среда воспитывает себе подобного певца. Таким был шестилетний Жамбыл, участвовавший в айтысе с мудрым Суюмбаем, благословившим мальчика на трудный путь искусства.

Основным экспертом всех традиционных тем и сюжетов, художественных средств и традиционных формул выступает народ. Лучшие из народа помнят все исторические события. Сотни событий и сюжетов держатся в голове талантливого певца. Все это поется в форме жыра, благодаря традиционным формулам и формульному стилю (формульным выражениям). Благодаря этим формулам и повторам самых разных видов, они легко заучиваются и реализуются в рамках жыра, структура которого здесь – 1+3+3:

пример жұбату (утешения). Здесь формула выступает тематическим центром в виде рефрена. Его функция – заострить внимание, усилить впечатление:

Үмбетей жырау, 18 ғ. 1 3 3

Ей, Абылай, Абылай,
Сөзімді тыңда тағы да-ай!
Өзіңмен біраз жасы үлкен,
Дөмпеш таудай басы үлкен,
Жасында боллған сырласың,
Үлкен де болса құрдасың.
Сексеннен аса бергенде
Қайрылмас қаза келгенде,
Батырың өлді – Бөгембай!
БҒЖ, 72, 79 б.

Бұқар жырау, 18 ғ. 4 3

Қайғырмаңыз, ханзадам,
Келмей тұр ауызым айтарға,
Батырың өтті Бөгембай!
Еңбек қылған ел үшін,
Жауда кеткен кек үшін,
Қазақтың абырой-арына
Сарып қылған бар күшін,
Қайыры болсын халқыңа,
Сабыр қыл, ойлап келмесін,
Қарияң келіп жырлап тұр
Еңбегі сіңген ер үшін,
Батырың өтті Бөгембай...
БҒЖ, 72, 100 б.

Эпическая речь изобилует разнообразием изобразительно-выразительных средств, богатством созвучий разного уровня: звукового повтора, различных видов анафор, аллитераций, ассонанса и т.д., восходящих в генетических истоках к древней магии, обряду в честь умершего предка. Запоминается речь благодаря

Бұқар жырау, 18 ғ.
Бұл, бұл үйрек, бұл үйрек,
Бұл үйректен болыңыз...
БҒЖ, 72, 94

Сильно воздействуют на слушателя и реди́ф, и глагольная рифма и монорим.

Фольклористы пишут, что в эпоху жырау (с сер. XV – до сер. XVIII вв.) наибольшее значение в народе имели толгау, речитативный жанр в форме устного философского или назидательно-дидактического размышления. Но и в его основу положен жыр-семисложник,

Асан Қайғы, XV ғ., философская лирика
2 2 3
Таза мінсіз асыл тас
Су түбінде жатады,
Таза мінсіз асыл сөз
Ой түбінде жатады.
ТМАТ, 73, 11 б.

Эти формулы и сочетания несут в своих семантических ядрах древние подтексты и смыслы. В них в латентной форме выступает идея, придающая устному высказыванию либо философский, либо патриотический характер. Певец при любой возможности оттачивает свое мастерство. В конкурентной среде он привыкает к мгновенной импровизации на заданную тему, а иногда заранее запоминает текст перед схваткой с другим акыном. Здесь ему помогают формулы, богатая устная техника. Они выдвигают его как лучшего из всей певческой среды. Акыну важно в совершенстве овладеть поэтической формой, устно-стилевой техникой, художественными средствами, темой, богатством различных видов рифм. Это и составляет объект устной теории. Вся эта совокупность средств высту-

канону, четкому ритму, созвучиям родного языка в условиях формы, устойчивым формулам и формульным повторам, с их мнемотехнической функцией. Фиксируясь в памяти слушателя, традиционный жыр также легко запоминается вследствие регулярно звучащих ритмико-синтаксических отрезков:

Бұқар жырау, 18 ғ.
Бұл, бұл үйрек, бұл үйрек,
Бұрылып ұшар жаз күні...
БҒЖ, 72, 101

столь необходимый в устной эпической традиции. Здесь удивляет то, как в зависимости от интонации и целевой установки текст проявляет различную степень выразительности, от философского толгау до стремительной экспрессии үндеу или терме. Вот пример размера семисложника, создающего совершенно разную тональность и напевность:

Махамбет, XIX ғ., боевая походная песнь
3 2 3
Ереуіл атқа ер салмай,
Егеулі найза қолға алмай,
Еңку-еңку жер шалмай...
БҒЖ, 72, 180 б.

пает боевым арсеналом певца, свидетельствуя о его интеллектуальной мощи, формирует его поэтический облик. Певец исполняет эпическое сказание как достоверное повествование о своем племени, о своих предках, о своем народе.

В этой музыкально-словесной среде формируются разные типы носителей казахской устно-поэтической культуры: жырау (создатели эпоса), акыны (лирические исполнители демократической тематики), салы и сэри (лирические певцы театрального склада, эксцентрики). Типы поэтической культуры подробно исследованы Е.Турсуновым в трудах: «Қазақ ауыз әдебиетін жасаушылардың байырғы өкілдері» (1976) и «Происхождение древних типов носителей казахской устно-поэтической традиции». Каждый певец имеет свой жанр и репертуар, но никто

из них не сможет слагать, усваивать и передавать свои песни вне степной традиции, и ничего кроме степной традиции у них нет. К такому мнению пришел и М.Пэрри, основоположник устной теории (5, https://vk.com/wall209887955_2131). «Изумительно – отмечает Ч.Ч. Валиханов, – с какою свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверия, и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевой, безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению» (Валиханов Ч.Ч., 1984). Этот «действительный факт, не подлежащий сомнению» мы и объясняем традицией, принципом устной техники, о которой говорили Пэрри и Лорд. Весь процесс создания, исполнения и передачи устных эпических произведений есть торжество традиции, живое искусство многовековой устной техники сказителей одной творческой среды. Для лучшего запоминания и исполнения своей речи и для всенародного признания акын должен активно участвовать в поэтических состязаниях с акынами других родов. Только в схватках, подобно батыру в битвах, акын создает себе имя. Потом многократно он подтверждает свое право быть лучшим из акынов (бас акын), поскольку в кочевье поют все и акынов в ней достаточно. На больших сборищах, во время праздников и торжественных событий род выдвигает этого певца на схватку с акыном другого рода. И тут дело в защите чести рода. Это сильная мотивация для самосовершенствования. Она играет основную роль в морально-психологической и интеллектуальной подготовке певца. Отсюда постоянные упражнения в искусстве запоминания и цитирования.

Заключение и выводы

1. Роль Ч.Ч. Валиханова оценена тем вкладом, который он внес в эпосоведение. В его статьях есть ответы на многие вопросы устной теории М. Пэрри и А. Лорда: вопрос об авторстве и исполнительстве, о народности, о роли устно-стилевой техники, о процессе и природе исполнительства.

2. Владея тюркскими языками, зная устную традицию и достижения классического востоковедения, Ч.Ч. Валиханов первый в науке применил метод исследования «изнутри

традиции». Он способствует более глубокому усвоению национальной специфики и структуры казахского текста. Его также можно назвать целостным методом. Изучение устной традиции «изнутри самой традиции» предполагает и другие подходы, основными из которых выступают историко-этнографический и сравнительно-типологический методы. Поэтому Ч.Ч. Валиханов, выступая в тюркской науке первым компаративистом, во многом определил направления современных наук.

3. Казахский ученый исходил из специфики устного эпоса как значимой части древней культуры. Устное Степное знание основано на принципе преемственности, на традиции атадан-балага, поэтому оно сохранилось в своей чистой форме благодаря эпической среде, степному учительству, формулам, устно-стилевой технике. Перспективное значение идей Ч.Ч. Валиханова заключается в том, что его идеи не противоречат, но значительно обогащают устную теорию американских эпосоведов. В совокупности обе методологии – казахская и американская – отвечают на вызов современной критики американской теории, открывая новые пути в исследовании эпоса и фольклора, в особенности – генезиса поэтических и жанровых форм, поиска общего источника мифа, языка и эпоса.

4. Устное знание кочевников представит целостной в своем развитии, повсеместно функционирующей музыкально-словесной традицией, во всех ее родах, видах и жанрах. Она сформирована особой средой, которая сама же формируется ими и живет благодаря им. Здесь протекают все основные процессы, интересующие американскую устную теорию: здесь все поют, есть учителя и ученики, есть традиция передачи знания посредством формул и формульных выражений. Устно-стилевая техника – идеальный источник жизни степного эпоса, способствующий его пропеванию, запоминанию и его передачи другому исполнителю. Параллельно с процессом запоминания и заучивания певец оттачивает и технику устного исполнения, обогащая комплекс формульно-стилевых средств и приемов.

5. Таким образом, первый казахский ученый-востоковед Чокан Валиханов внес неоценимый вклад в эпосоведение и в современную устную теорию. Его богатое научно-теоретическое и культурно-историческое наследие имеет непреходящее значение для тюркского и мирового эпосоведения, для духовного возрождения тюркоязычных народов.

Литература

- Абылкасимов Б.Ш. Стилистические приемы и средства в жанре толгау. В кн.: *Жанр толгау в казахской устной поэзии.* – Алма-Ата: Наука, 1984. – 120 с.
- Акатаев С. О специфике культуры кочевья. В книге «Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством». – Алматы: Гылым, 1993. – 364 с.
- Ақберді Ұ. Жаңабаев Қ. Еще раз об устно-стилевой технике и «формульной грамматике» жырау / Узловые проблемы тюркской истории. Сб. докладов Республиканского научного семинара. – Семей: КазГЮИУ, 2015. – С. 45-48.
- Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 368 с.
- Байджиев М. К вопросу о киргизском стихосложении; Поэтический перевод и вопросы киргизского стихосложения; Стихотворный ритм и музыкальная метрика народных песен и речетативов. В кн.: *В битве за истину. Литературоведческие очерки разных лет.* – Б., 2001. – 284 с.
- Бектуров Ж. К характеристике лексического и образно-семантического фонда памятников казахской поэзии XV-XVII веков. В кн.: *Исследования по истории и семантике стиха. Сборник научных трудов (междуведомственный).* – Караганда: издательство КарГУ, 1989. – 120 с.
- Гринцер П. Стилистическое развертывание темы в санскритском эпосе // *Памятники книжного эпоса: Стиль и типологические особенности.* – М., 1978.
- Елеманова С. К вопросу о семантике казахской народно-профессиональной песни. В сб: *Культурные контексты Казахстана: история и современность. Материалы международного семинара, посвященного 100-летию М.О. Ауэзова.* – Алматы: Ниса, 1998. – 280 с.
- Жанабаев К. О необходимости исследования законов «формульной грамматики» в казахском эпическом тексте жырау XV-XVIII веков // *Вестник КазНУ.* – 2015 г. – №1 (37), “Қазақ университеті”, 2015. С. 50-58.
- Ибраев Ш. Эпические формулы и поэтические средства «Китаби дедем Коркут». В кн.: *Исследования по истории и семантике стиха. Сборник научных трудов (межведомственный).* – Караганда: издательство КарГУ, 1989. – 120 с.
- Мальцев Г. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики: (Исследования по эстетике устно-поэтического канона). – Л., 1989.
- Мелетинский Е.М. Современные теории происхождения эпоса. В кн.: *Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники.* – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 463 с.
- Наурызбаева А.Б. Жырау в коммуникативной стратосфере казахского традиционного общества: дискурс-анализ. Колл. монография: Жырау: статус, функции, культура, мировоззрение. – Семей, 2017. – 325 с.
- Негимов С. Ритмико-интонационное обогащение стиха в казахской поэзии. В кн.: *Исследования по истории и семантике стиха. Сборник научных трудов (междуведомственный).* – Караганда: издательство КарГУ, 1989. – 120 с.
- Цивьян Т. Лингвистические основы Балканской модели мира. – М., 1990; О модели мира // *СибФ.* 1989.
- Турсунов Е. Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау (монография). – Астана: Фолиант, 1999. – 262 с.; Қазақ ауыз әдебиетін жасаушылардың байырғы өкілдері (монография). – Алматы; Гылым, 1976.
- Bailey J. Tradition and variation in the Russian wedding songs collected by Guljaev and Krivosapkin // *Folklorica: Festschrift for Felix Oinas / Ed. by E. V. Xygas, P. Voorheis.* Bloomington, 1982.
- Bascom W. Verbal art // *JAF.* 1955. N 269; *Folklore, verbal art, and culture // JAF.* 1973. N 342.; *Four functions of folklore // JAF.* 1954. N 266.
- Baumi F. The theory of oral-formulaic composition and the written Medieval text // *Comparative research on oral traditions: a Memorial for Milman Parry / Ed. by J. M. Foley.* Slavica Publish. Ohio, 1987. 45. Bridney D. Theoretical anthropology. New York, 1953.
- Dundes A. Oral literature // *Introduction to cultural anthropology: Essays in the scope and methods of the science of man / Ed. by J. S. Clifton.* Boston, 1968.; *From etic to emic units in the structural study of folktales // JAF.* 1962. N 296.
- Finnegan S. Oral poetry: Its nature, significance and social context. Cambridge Univ. Press. 1977.
- Foley J. Oral- Tradition theory and research / *An introduction and annotated bibliography J. M. Foley.* New York; London, 1988.
- Kongas E.; Maranda P. Structural models in folklore / *Midwest Folklore.* 1962. N 3.
- Levinton G. Some problems of meaning in folklore texts // *Acta Ethno-graphica.* 1974. N 2-4.
- Lord A.B. The Singer of tales. Cambridge, 1960.; *Perspectives on recent work on the oral traditional formula // Oral Tradition.* 1986. N 3.
- Malinovski B. Magic, science and religion and other essays. Boston, 1948.
- Maranda P. The Concept of folklore // *Midwest folklore.* 1963. N.Z
- Taylor A. The problems of folklore // *JAF.* 1946. N 232.
- Thomson S. Motif-index of folk-literature. Copenhagen; Bloomington, 1955-1958. Vol. 1-6.
- Honco L. Genre analysis in folkloristics and comparative religion // *Temenos.* 1968. N 3.; *Four forms of adaptation of tradition // Studia Fennica.* Helsinki, 1981. Vol. 26.
- Vansina J. Oral tradition: A study in historical methodology. – Chicago, 1965

References

- Abylkasimov B.Ş. Stilisticheskie priemy i sredstva v janre tolgau. V kn.: Janr tolgau v kazahskoi ustnoi poezii. Alma-Ata: Nauka, 1984. – 120 s. – new lit. [Abylkasimov B.Sh. Stylistic devices and means in the tolgau genre. In the book: Genre tolgau in Kazakh oral poetry. Alma-Ata: Nauka, 1984. -- 120 p.] (in Russian)
- Akataev S. O spesifike kultury kochevya. V knige «Kochevniki. Estetika: Poznanie mira tradisionnym kazahskim iskusstvom». – Almaty: Gylym, 1993. – 364 s. [Akataev S. About the specifics of the nomadic culture. In the book “Nomads. Aesthetics: Perception of the World by Traditional Kazakh Arts «. – Almaty: Gylym, 1993. -- 364 p.] (in Russian)
- Aqberdi Ū. Jaŋabaev Q. Ee raz ob ustno-stilevoi tehnikе i «formulnoi grammatike» jyrau / Uzlovye problemy trkskoi istorii. Sb. dokladov Respublikanskogo nauchnogo seminar. – Semei: KazGĪU, 2015. – S. 45-48. [Akberdi Ū. Zhangabaev Q. Once again about oral-style technique and “formal grammar” zhyrau / Knot problems of the Turkic history. Sat. reports of the Republican scientific seminar. – Semei: KazHUIU, 2015. -- S. 45-48.] (in Russian)
- Amanjolov A.S. İstoria i teoria drevnetrkskogo pisma. Almaty: Mektep, 2003. – 368 s. [Amanzholov A.S. History and theory of ancient Turkish writing. Almaty: Mektep, 2003. -- 368 p.] (in Russian)
- Baidjiev M. K voprosu o kirgizskom stihoslojenii; Poeticheskie perevod i voprosy kirgizskogo stihoslojenia; Stihotvornyi ritm i muzykalnaya metrika narodnyh pesen i rechetativov. V kn.: V bitve za istinu. Literaturovedcheskie ocherki raznyh let. – B. 2001. – 284 s. [Baydzhiiev M. On the question of the Kyrgyz verse; Poetic translation and questions of the Kyrgyz poetry; Verse rhythm and musical metrics of folk songs and recitals. In the book: In the battle for truth. Literary essays of different years. – B. 2001. -- 284 p.] (in Russian)
- Bekturov J. K karakteristike leksicheskogo i obrazno-semanticeskogo fonda pamiatnikov kazahskoi poezii XV-XVII vekov. V kn.: İssledovaniya po istorii i semantike stiha. Sbornik nauchnyh trudov (medjuvedomstvennyi). Karaganda: izdatelstvo KarGU, 1989. – 120 s. [Bekturov J. To the characteristic of the lexical and semantic-semantic fund of the monuments of Kazakh poetry of the XV-XVII centuries. In the book: Research on the history and semantics of verse. Collection of scientific papers (medzhuvodomy). Karaganda: publishing house KarSU, 1989. – 120 p.] (in Russian)
- Grinzer P. Stilisticheskoe razvertyvanie temy v sanskritskom epose // Pamiatniki knijnogo eposa: Stil i tipologicheskie osobennosti. M., 1978. [Grinzer P. Stylistic deployment of the theme in the Sanskrit epic // Monuments of the book epic: Style and typological features. M., 1978] (in Russian)
- Elemanova S. K voprosu o semantike kazahskoi narodno-professionalnoi pesni. V sb: Kulturnye konteksty Kazahstana: istoria i sovremennost. Materialy mejdunarodnogo seminar, posvyashchennogo 100-letiu M.O. Auezova. Almaty: Nisa, 1998. – 280 s. [Elemanova S. On the question of the semantics of the Kazakh folk-professional song. In Sat: Cultural contexts of Kazakhstan: history and modernity. Materials of the international seminar dedicated to the 100th anniversary of M.O. Auevov. Almaty: Nisa, 1998. -- 280 p] (in Russian)
- Janabaev K. O neobhodimosti issledovaniya zakonov «formulnoi grammatiki» v kazahskom epicheskom tekste jyrau XV-XVIII vekov // Vestnik KazNU. – 2015 g. – №1 (37)., «Qazaq universiteti», 2015. S. 50-58. [Zhanabaev K. On the need to study the laws of «formal grammar» in the Kazakh epic text zhyrau of the XV-XVIII centuries // Bulletin of KazNU. – 2015 – №1 (37)., «Kazakh university», 2015. S. 50-58] (in Russian)
- İbraev Ş. Epicheskie formuly i poeticheskie sredstva «Kitabi dedem Korkut». V kn.: İssledovaniya po istorii i semantike stiha. Sbornik nauchnyh trudov (medjuvedomstvennyi). Karaganda: izdatelstvo KarGU, 1989. – 120 s. [İbraev Sh. Epic Formulas and Poetic Means “Kitabi Dedem Korkut”. In the book: Research on the history and semantics of verse. Collection of scientific papers (medzhuvodomy). Karaganda: publishing house KarSU, 1989. – 120 p.] (in Russian)
- Maltsev G. Tradisionnye formuly russkoi narodnoi neobryadovoi liriki: (İssledovaniya po estetike ustno-poeticheskogo kanona). L., 1989. [Maltsev G. Traditional Formulas of Russian Folk Neo-Revival Lyrics: (Research on the aesthetics of the oral and poetical canon). L., 1989] (in Russian)
- Meletinskii E.M. Sovremennye teorii proishojdeniya eposa. V kn.: Proishojdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arhaicheskie pamiatniki. M.: İzdatelstvo vostochnoi literatury, 1963. – 463 s. [Meletinsky E.M. Modern theories of the origin of the epic. In the book: The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments. Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1963. – 463 p.] (in Russian)
- Naurzbaeva A.B. Jyrau v kommunikativnoi stratosfere kazahskogo tradisionnogo obestva: diskurs-analiz. Koll. monografiya: Jyrau: status, funksii, kultura, mirovozzrenie. Semei, 2017. – 325 s. [Naurzbaeva A.B. Zhyrau in the communicative stratosphere of the Kazakh traditional society: discourse analysis. Col. monography: Zhyrau: status, functions, culture, worldview. Semei, 2017. -- 325 p.] (in Russian)
- Negimov S. Ritmiko-intonasionnoe obogaenie stiha v kazahskoi poezii. V kn.: İssledovaniya po istorii i semantike stiha. Sbornik nauchnyh trudov (medjuvedomstvennyi). Karaganda: izdatelstvo KarGU, 1989. – 120 s. [Negimov S. Rhythmic-intonational enrichment of verse in Kazakh poetry. In the book: Research on the history and semantics of verse. Collection of scientific papers (medzhuvodomy). Karaganda: publishing house KarSU, 1989. – 120 p.] (in Russian)
- Sivyan T. Lingvisticheskie osnovy Balkanskoi modeli mira. M., 1990.; O modeli mira // SiBF. 1989. [Tsivyan T. Linguistic foundations of the Balkan model of the world. M., 1990. ; About the model of the world // CBF. 1989.] (in Russian)
- Tursunov E. Vozniknovenie baksy, akynov, seri i jyrau (monografiya). – Astana: Foliant, 1999. – 262 s.; Qazaq auyz ädebietin jasausylardyŋ baiyrğy ökilderi (monografiya). – Almaty; Gylym, 1976. [Tursunov E. Contest of bucks, akyns, sari and zhyrau (monograph). – Astana: Foliant, 1999. -- 262 p. ; Ancient representatives of the creators of Kazakh oral literature (monograph). – Almaty: Science, 1976.] (in Kazakh)

- Bailey J. Tradition and variation in the Russian wedding songs collected by Guljaev and Krivosapkin // *Folklorica: Festschrift for Felix Oinas* / Ed. by E. V. Xygas, P. Voorheis. Bloomington, 1982.
- Bascom W. Verbal art // *JAF*. 1955. N 269; *Folklore, verbal art, and culture* // *JAF*. 1973. N 342.; *Four functions of folklore* // *JAF*. 1954. N 266.
- Baumi F. The theory of oral-formulaic composition and the written Medieval text // *Comparative research on oral traditions: a Memorial for Milman Parry* / Ed. by J. M. Foley. Slavica Publish. Ohio, 1987. 45. Bridney D. *Theoretical anthropology*. New York, 1953.
- Dundes A. Oral literature // *Introduction to cultural anthropology: Essays in the scope and methods of the science of man* / Ed. by J. S. Clifton. Boston, 1968.; *From etic to emic units in the structural study of folktales* // *JAF*. 1962. N 296.
- Finnegan S. *Oral poetry: Its nature, significance and social context*. Cambridge Univ. Press. 1977.
- Foley J. *Oral- Tradition theory and research / An introduction and annotated bibliography* J. M. Foley. New York; London, 1988.
- Kongas E.; Maranda P. *Structural models in folklore / Midwest Folklore*. 1962. N 3.
- Levinton G. *Some problems of meaning in folklore texts* // *Acta Ethno-graphica*. 1974. N 2-4.
- Lord A.B. *The Singer of tales*. Cambridge, 1960.; *Perspectives on recent work on the oral traditional formula* // *Oral Tradition*. 1986. N 3.
- Malinovski B. *Magic, science and religion and other essays*. Boston, 1948.
- Maranda P. *The Concept of folklore* // *Midwest folklore*. 1963. N.Z
- Taylor A. *The problems of folklore* // *JAF*. 1946. N 232.
- Thomson S. *Motif-index of folk-literature*. Copenhagen; Bloomington, 1955-1958. Vol. 1-6.
- Honco L. *Genre analysis in folkloristics and comparative religion* // *Temenos*. 1968.N 3.; *Four forms of adaptation of tradition* // *Studia Fennica*. Helsinki, 1981. Vol. 26.
- Vansina J. *Oral tradition: A study in historical methodology*. Chicago, 1965